

ГЛАВА IV

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

К сорока годам Плеханов стал одной из живых достопримечательностей Женевы. Туристам из России непременно хотелось взглянуть на знаменитого соотечественника и обменяться с ним хотя бы несколькими фразами. Среди них были самые разные люди, в том числе и праздные обыватели, рассказывавшие потом о Плеханове всякие небылицы. Были и интеллигентные «всезнайки», любившие задавать умные, по их мнению, вопросы, и люди с революционным прошлым, которым, по меткому выражению самого Георгия Валентиновича, хотелось «помериться с ним плечами». Обычно Плеханов относился к незванным гостям с большим терпением и снисходительностью, излагал им свои взгляды, советовал, что читать. Но иногда он начинал нервничать и, выведенный из себя, говорил: «Видите, молодой человек, я начал работать по этим вопросам, когда вы были совсем дитятей, когда под стол пешком ходили или еще раньше, когда ваш папенька только ухаживал за вашей маменькой. Поучитесь, и тогда потолкуем»¹.

Плеханов тянулся к революционно настроенной молодежи, понимая, что за ней будущее. Ему доставляло, например, несомненное удовольствие беседовать о философии и искусстве с 20-летним студентом Цюрихского университета Анатолием Луначарским. Они встретились впервые в 1895 г. в Цюрихе. Затем их беседы были продолжены в Женеве, на квартире у Плеханова или за кружкой пива — а их меняли за вечер по несколько раз — в знаменитом кафе Ландольта. Вспоминая позже об этих встречах, Луначарский не без юмора писал: «Я был мальчишка начитанный, неглупый и весьма задорный. Несмотря на свое благоговение перед Плехановым, я петушился и, так сказать, лез в драку, особенно по разным философским вопросам (Луначарский уже тогда стал увлекаться махизмом. — С.Т.). Плеханову это нравилось, иногда он шутил со мной, как большая собака с щенком, каким-нибудь неожиданным ударом лапы валил меня на спину, иногда сердился, а иногда весьма серьезно разъяснял»².

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 404.

² Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 262.

В глубине души Плеханов не мог не сознавать, что, сохраняя свой замкнутый, сугубо элитарный характер, группа «Освобождение труда» вряд ли сможет серьезно влиять на ход революционного движения на родине. Но и «разбавлять» этот узкий кружок не обстрелянной зеленой молодежью ему, видимо, тоже не хотелось, тем более что Георгий Валентинович уже не раз обжигался на бойких молодых людях с большим самомнением вроде поляка Лео Иогихеса или одессита Давида Гольдендаха (впоследствии известного Рязанова), который при первой же встрече в 1890 г. стал буквально кричать ему: «Не вы из-за границы будете нам указывать, как действовать, а мы вам укажем путь»¹. А летом 1895 г. раз или два заходил к Плеханову 16-летний студент Евно Азеф, учившийся тогда в Германии. Он произвел впечатление очень неглупого, начитанного молодого человека, но было в его внешности что-то такое, что не располагало к продолжению знакомства².

В 1894 г. по инициативе группы «Освобождение труда» был создан «Союз русских социал-демократов за границей», в который вступили Плеханов и его товарищи. Члены группы взяли на себя редактирование изданий «Союза». Однако отношения с его молодыми руководителями складывались довольно сложно. Кроме того, создание «Союза» не решало проблему контактов с родиной.

Вот почему вопрос об установлении прочных связей с Россией приобретал в середине 90-х годов для Плеханова особую остроту. И здесь сама жизнь, казалось, пошла ему навстречу, забросив весной 1895 г. в Женеву молодого русского «путешественника», который сыграл затем в жизни Георгия Валентиновича совершенно особую роль.

В мае 1895 г. в Швейцарию приехали два русских социал-демократа — москвич Евгений Спонти и 25-летний помощник присяжного поверенного из Петербурга Владимир Ульянов. По свидетельству Н.В.Валентинова, который в 1904 г. был в хороших личных отношениях с лидером большевиков и сохранил для нас многие его уникальные признания автобиографического характера, В.И.Ульянов впервые познакомился с сочинениями Плеханова еще в начале 1889 г., когда жил в Казани³.

К моменту личной встречи с Георгием Валентиновичем тот был для него самым авторитетным после Маркса и Энгельса теоретиком пролетарского социализма, изучение трудов которого дало мощный импульс процессу его становления как революционера-марксиста. Восхищение, преклонение, восторг — так можно охарактеризовать те чувства, которые испытывал Владимир Ульянов к своему духовному наставнику. Вот почему встреча с Плехановым занимала едва

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 403.

² Исторический архив. 1996. № 2. С. 215.

³ См.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 245.

ли не самое важное место в программе его первого заграничного путешествия. Создание марксистской партии в России требовало объединения усилий всех социал-демократических кружков и групп, действовавших как внутри страны, так и в эмиграции. Поэтому рано или поздно жизненные пути Плеханова и Владимира Ульянова не могли не пересечься.

Что касается Георгия Валентиновича, то для него новый гость из России был лишь одним из многих соотечественников, настойчиво добивавшихся встречи, и интерес к нему, быть может, подогревался только одним дополнительным обстоятельством: это был брат казненного в 1887 г. Александра Ульянова. Не исключено, что Плеханов уже слышал о В.И.Ульянове от А.Н.Потресова, однако каких-либо документальных подтверждений этой версии у нас нет. Главное же заключалось в том, что контакты с представителями социал-демократического движения в России — независимо от их личных достоинств — открывали перед Плехановым и его товарищами возможность более активно включиться в процесс распространения марксистских идей на родине и принять участие в создании той самой революционной рабочей партии, о которой они мечтали еще в начале 80-х годов. Поэтому если не сердечный, то благожелательный и корректный прием у Плеханова был молодому Ульянову обеспечен.

Надо сказать, что связи между группой «Освобождение труда» и первыми социал-демократическими кружками, возникавшими непосредственно в России, были довольно слабыми, хотя попытки наладить их предпринимались неоднократно. Существовали, в частности, контакты с петербургской социал-демократической организацией «Рабочий союз», которой руководил М.И.Бруснев, а в 1892 г. посланец группы «Освобождение труда» С.Г.Райчин приезжал в Москву с большим транспортом ее изданий и конкретными предложениями о налаживании сотрудничества между плехановцами и русскими социал-демократами. Однако из-за арестов Райчина и ряда москвичей эти планы остались тогда неосуществленными. Контакты с Россией шли через Варшаву, а также через некоторых российских социал-демократов, приезжавших в Швейцарию (А.Н.Потресов, позже А.В.Луначарский, Н.Э.Бауман, В.К.Курнатовский, В.Д.Бонч-Бруевич и др.). Издания группы «Освобождение труда» распространялись в 80–90-х годах XIX в. почти в 40 городах и населенных пунктах Российской империи¹. Однако Плеханову хотелось значительно большего. Ведь еще в упоминавшемся выше отчете редакции «Социал-демократа» Брюссельскому конгрессу II Интернационала (1891 г.) говорилось: русские марксисты

¹ См.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. С. 214.

стремятся к тому, чтобы покрыть всю Россию сетью рабочих обществ¹.

К сожалению, нам неизвестны подробности первой, видимо короткой, женевской встречи Плеханова с гостем из Петербурга. Ульянов передал ему свою нелегальную гектографированную брошюру «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (третий выпуск этой работы был много десятилетий спустя обнаружен в библиотеке Плеханова) и легально изданный в российской столице сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где были напечатаны две статьи самого Плеханова и статья К.Тулина (псевдоним В.И.Ульянова) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»².

После встречи с Плехановым Ульянов направился в Цюрих, где жил П.Б.Аксельрод. Целую неделю провели они в горной деревушке Афольтерн, причем Аксельрод сразу же расположил к себе еще заметно смущавшегося молодого россиянина. Ульянов импонировал своей начитанностью, умением самостоятельно мыслить и вместе с тем несомненной скромностью и готовностью прислушиваться к мнению старших товарищей. В итоге даже много лет спустя, после ожесточенных политических баталий с Лениным Павел Борисович описывал их встречи в 1895 г. как «истинный праздник» и один из самых светлых моментов в истории группы «Освобождение труда».

Правда, вскоре выяснилось, что по некоторым вопросам взгляды собеседников несколько расходятся. Так, например, Ульянов весьма скептически относился к возможности политического союза социал-демократов и либералов, тогда как и Плеханов, и Аксельрод проявляли здесь гораздо больше оптимизма. Когда последний сказал об этом Ульянову, тот, улыбаясь, заметил: «Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: "Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом"». Впрочем, Владимир Ульянов готов был признать (возможно, здесь была и некоторая доля дипломатии), что группа «Освобождение труда» в данном случае ближе к истине, чем он³.

После того, как в июле 1895 г. Ульянов вернулся из Парижа в Швейцарию, он вновь встретился в местечке Ормон с Плехановым. В этих беседах приняли также участие приехавший из Петербурга Александр Потресов и близкий в то время к социал-демократам Алексей Воден. Позже Потресов рассказывал, как, поселившись в глухой деревушке, они проводили долгие часы в прогулках и бесконечных разговорах. Ничто не нарушало гармонии этих мирных бесед у подножья Альп. Ульянов с восторгом и благоговением

слушал мастерские рассказы Плеханова о революционном подполье 70-х годов, а тот не без сочувствия смотрел на способного революционера-практика, чем-то напоминавшего ему друга юности, великого мастера по части конспирации и организации Александра Михайлова. Однако, если верить Потресову, «переварить» статью Ульянова с критикой Струве, Плеханов так и не смог. «Это не написано, как говорят французы. Это не литературное произведение, это ни на что не похоже», — говорил он. Но Плеханов смотрел на Ульянова как на человека, который лишь в виде исключения взялся за перо, и поэтому не склонен был слишком придираться. Потресову по крайней мере казалось, что Георгий Валентинович делал ставку на инициативность и организаторские таланты Ульянова и ради них готов был смотреть сквозь пальцы на его «шалости пера».

Уже тогда у Потресова появилось смутное ощущение, что эти два столь непохожих друг на друга человека, два марксиста, два социал-демократа, невзирая на, казалось бы, общую догму, не имеют общего языка и смотрят «как-то по-разному и в разные стороны». Во всяком случае контраст двух натур уже тогда бросался в глаза. «...Если из Плеханова, — пишет Потресов, — как из неиссякаемого кладеза мудрости, можно было черпать мысли и сведения по самым различным отраслям человеческого знания, беседовать с ним, с поучением для себя, не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии..., то с Лениным, при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся и в каждом его соображении сказывалась продуманность, след того жизненного опыта, который, несмотря на всю его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и вывить прирожденную даровитость»¹.

Воспоминания Потресова были написаны через много лет после швейцарских встреч 1895 г. и, конечно же, несут на себе отпечаток последующих событий. Примерно то же самое произошло и с самим Плехановым, который в 1895 и в 1917 г. дал диаметрально противоположные оценки молодого Ульянова. По горячим следам от первой встречи он писал жене: «Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди». При этом он отмечал большой ум, образованность, ораторские способности своего гостя². А вот летом 1917 г. в беседе с Н.В.Валентиновым Плеханов

¹ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. IV. С. 113.

² См.: Лениниана. Л., 1981. С. 55—57.

³ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 1. С. 269—275.

¹ Коммунист. 1990. № 6. С. 116-117.

² Исторический архив. 1958. № 6. С. 209.

говорил уже совсем иное: «Аксельрод, бывший на седьмом небе от того, что довелось видеть человека оттуда и находящегося в самом центре рабочего движения Петербурга, меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным нужно ухаживать, так как он самый видный представитель работающих в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым действительно ухаживали, носились с Ульяновым, как дураки с писаной торбой. Однако к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничный топор, а топор дровосека. Ведь этот 25-летний парень (Плеханов несколько раз повторил «этот парень») был очень недалек от убеждения, что если некий Колупаев-Разуваев построил в какой-нибудь губернии хлопчатобумажную фабрику или чугуноплавильный завод, то дело в шляпе: страна уже охвачена капитализмом и на этой базе существует соответствующая капитализму политическая и культурная надстройка. Мысли Тулина вращались именно в подобных примитивных рамках, а разве это марксизм?»¹

Но, оставаясь на почве историзма, мы не должны «опрокидывать в прошлое» более поздние высказывания Плеханова, густо замешанные на недоброжелательстве, подозрительности и стремлении унижить и даже очернить своего идейного противника. К тому же не будем забывать, что эти оценки дошли до нас в пересказе Н.В.Валентинова, у которого с Лениным тоже были, как известно, свои серьезные личные счеты. Думается, что в письме к Р.М.Плехановой Георгий Валентинович был искреннее и объективнее, чем 22 года спустя, когда Ленин стал его политическим врагом.

В результате швейцарских переговоров было решено, что под редакцией П.Б.Аксельрода за границей будет издаваться для России сборник «Работник», куда молодые российские социал-демократы и прежде всего Ульянов будут регулярно присылать статьи и другие материалы. В 1896 г. в первом номере «Работника» был напечатан написанный Ульяновым некролог «Фридрих Энгельс» и листовка к рабочим и работницам петербургской фабрики Торнтон. В 1897—1899 гг. при участии группы «Освобождение труда» в Швейцарии были изданы еще несколько работ В.И.Ульянова и его товарища по созданному в 1895 г. петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Юлия Цедербаума (все они в целях конспирации, естественно, выходили без указания автора).

Как вспоминала А.И.Ульянова-Елизарова, брат «был очень доволен своей поездкой (в Швейцарию. — С.Т.), и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он

рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил...»¹ Несмотря на арест В.И.Ульянова в декабре 1895 г., его связи с группой «Освобождение труда» не прекратились, хотя и носили достаточно случайный характер. В свою очередь, Плеханов с воодушевлением встречал каждое новое известие о росте стачечного движения в России и деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Когда в мае—июне 1896 г. в российской столице прошла крупная по тем временам стачка текстильщиков, Плеханов инициировал сбор за рубежом денежных средств для помощи бастующим и их семьям.

По мере роста рабочего движения в России рос и престиж российских социал-демократов за рубежом. Недаром Плеханов писал Аксельроду: «...Будет нам уже играть роль бедных родственников, теперь мы сами с усами: посмотри-ка, что делается в Петербурге»². Накануне четвертого конгресса II Интернационала, который состоялся летом 1896 г. в Лондоне, Плеханов получил мандаты от петербургского «Союза борьбы» и еврейских рабочих Минска. Кроме него, в состав российской делегации входили П.Б.Аксельрод (мандат из Киева), В.И.Засулич (мандат из Москвы), В.А.Бухгольц, представлявший рабочих Иваново-Вознесенска, а также Р.М.Плеханова, Б.А.Гинзбург (Кольцов), А.Л.Гельфанд (Парвус). Отчет конгрессу от имени российских социал-демократов был подготовлен Плехановым при участии одного из руководителей петербургского «Союза борьбы» А.Н.Потресова и напечатан на немецком, английском, а затем и на русском языках.

В нем подробно рассказывалось о самых крупных стачках последнего времени в России и о листовках «Союза борьбы», давалась краткая информация о ходе рабочего движения не только в Петербурге, но и в Москве, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Одессе. Авторы отчета подчеркивали, что среди рабочих России растет сознание общности их интересов с пролетариатом других стран. Об этом свидетельствовали, в частности, празднование дня международной солидарности трудящихся 1 Мая и обращение рабочих Москвы и Петербурга к французским братьям по классу в связи с 25-летием Парижской коммуны. В заключении доклада говорилось, что ближайшей задачей передовых рабочих и марксистской интеллигенции России является создание единой социал-демократической организации в масштабах всей страны. Лондонский конгресс принял специальную резолюцию, в которой приветствовал пробуждение российского пролетариата к сознательной жизни, отметил «чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от рус-

¹ Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1957. Т. 1. С. 42—43.

² Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. 1. С. 170.

¹ Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 189—190.

ских рабочих на международном съезде» и подчеркнул, что в организации рабочих России он видит «лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции»¹.

Несмотря на полицейские преследования, социал-демократическое движение в России продолжало набирать силу, хотя процесс этот шел довольно сложно. С одной стороны, часть марксистской интеллигенции, выступавшая на страницах легальной печати, все больше подменяла революционный марксизм сильно смягченным в духе буржуазного прогрессизма марксизмом «легальным», быстро эволюционировавшим при этом в сторону буржуазного либерализма (П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков и др.). Они делали акцент на признании прогрессивной исторической миссии капитализма в борьбе с остатками средневековья, готовы были идти на союз с марксистами против народников, но стремились всячески приглушить революционное звучание марксистских идей. Вот почему В.Ульянов сразу же подверг «легальных марксистов» острой критике, хотя и считал возможным заключать с ними временные тактические соглашения.

С другой стороны, среди социал-демократов появились так называемые «экономисты», выдвигавшие на первый план борьбу за удовлетворение сиюминутных экономических требований рабочих и отодвигавшие политическую борьбу пролетариата в более отдаленное будущее, когда рост классового самосознания позволит ему на равных с интеллигенцией и либералами включиться в активную борьбу с самодержавием.

Весной 1898 г. в революционном движении России произошло важное событие: в Минске состоялся учредительный съезд Российской социал-демократической рабочей партии. На нем было всего 9 делегатов, представлявших Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», группу «Рабочей газеты», издававшейся в Киеве, и еврейский Бунд. 3 марта, в последний день работы съезда, его делегаты и несколько минских социал-демократов собрались на прощальный вечер. Разговор зашел и о том, что скоро исполнится 15 лет со времени выхода в свет первой марксистской работы Плеханова «Социализм и политическая борьба». В итоге было решено послать приветствие группе «Освобождение труда», и вскоре от имени избранного на съезде ЦК РСДРП в адрес «Союза русских социал-демократов за границей» ушло письмо с информацией о съезде и его решениях. Была в нем и такая фраза: «Принимая во внимание плодотворную литературную деятельность товарищей В.И.Засулич, Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода, съезд глубоко чтит в них основателей русской социал-демократии»².

¹ См.: Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении. С. 177—178.

² Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958. С. 100.

В июне 1898 г. в Женеве вышел из печати восьмой номер «Листка «Работника»», где были перепечатаны написанный Петром Струве по просьбе ЦК РСДРП манифест новой партии и решения ее первого съезда. В комментарии к ним подчеркивалось, что образование РСДРП знаменует собой крупный шаг вперед в развитии русского рабочего движения. «Мы убеждены, — говорилось далее, — что общая организация русских социал-демократов будет все больше расти и крепнуть, пока движение рабочего класса не превратится в громадный поток, который... снесет, наконец, своим могучим течением тяготеющий над Россией политический гнет и расчистит дорогу для свободной, широкой борьбы за полное всестороннее освобождение всех трудящихся»¹.

Однако у только что родившейся социал-демократической партии еще не было ни программы, ни устава, а избранный в Минске ЦК был вскоре арестован. В рабочем движении все громче звучал голос «экономистов», идеями которых увлеклись руководители «Союза русских социал-демократов за границей» (Б.Н.Кричевский, В.П.Иваншин, Ц.М.Копельзон, В.П.Акимов, П.Ф.Теплов и др.). Резкие столкновения эмигрантской молодежи с плехановцами привели в апреле 1900 г. к выходу группы «Освобождение труда» из «Союза» и созданию новой организации под названием «Социал-демократ». Членами стали Г.В.Плеханов, П.Б.Аксельрод, В.И.Засулич, Б.А.Гинзбург (Кольцов), Г.Д.Лейтейзен (Линдов), И.С.Блюменфельд, И.П.Гольденберг (Мешковский) и др.

Начавшаяся еще в 1896 г. изнурительная война с молодыми членами «Союза русских социал-демократов за границей» стала одной из самых драматических страниц в истории группы «Освобождение труда». Руководители «Союза» упрекали Плеханова и его друзей в том, что они оторвались от рабочего движения в России, не понимают его запросов, не могут популярно писать для рабочих. Началась настоящая травля членов группы «Освобождение труда» и особенно Плеханова, который занимал по отношению к «экономизму» наиболее жесткую и непримиримую позицию. Аксельрод и Засулич пытались как-то примирить враждующие стороны, но это вызывало лишь раздражение и протесты со стороны Плеханова. Жизнь членов группы «Освобождение труда» становилась порой просто невыносимой: взаимные обиды, грязные инсинуации руководителей «Союза», прибравших к рукам типографию и материальные средства этой организации, постоянные намеки на то, что плехановцы стали живым анахронизмом, — все это изматывало Плеханова, лишало его душевного покоя.

Складывается, однако, впечатление, что и позиция Плеханова во всей этой истории несла на себе отпечаток его личных амбиций и желания сохранить за собой и группой «Освобождение труда» в целом лидирующее положение в русском социал-демократичес-

¹ Листок «Работника». 1898. № 8. С. 2—3.

ком движении. Так или иначе, программа журнала «Рабочее дело», который с апреля 1899 г. стали издавать в Женеве «молодые» из «Союза русских социал-демократов за границей», не давала оснований говорить о преуменьшении ими роли политической борьбы и тем более об отрицании ее значения в духе пресловутого «Credo» Е.Д.Кусковой или некоторых статей из газеты «Рабочая мысль» ярко выраженного «экономистского» направления. Тем не менее определенный эклектизм и непоследовательность в воззрениях «молодых» были налицо, что и позволяло Плеханову прибегая к некоторым натяжкам и передержкам, обвинить их в оппортунистических шатаниях, невероятной путанице в мыслях и т.п. «Молодые», естественно, протестовали, и в итоге разрыв стал неизбежным.

Крайнее раздражение Плеханова объяснялось и тем, что он без труда узнавал во взглядах русских «экономистов» отголоски того самого западноевропейского ревизионизма, борьба с которым стала в те годы едва ли не главным делом его жизни.

Когда в 1896—1898 гг. Эдуард Бернштейн выступил со своими откровениями о постепенной эволюции Маркса и особенно Энгельса в сторону реформизма и о несоответствии революционного марксизма реалиям конца XIX в., это вызвало в партиях II Интернационала настоящую бурю. Одни язвительно говорили об «интеллектуальном переутомлении» Бернштейна; другие откровенно посмеивались над его простодушием, поскольку он открыто сказал то, о чем обычно предпочитали молчать; третьи, в том числе и Плеханов, прямо называли одного из ближайших соратников Энгельса — Бернштейна изменником революционному делу.

Правда, Бернштейн стремился представить свои идеи не как отказ от марксизма, а как продолжение и развитие заложенных в нем гуманистических тенденций, подчеркивал, что речь должна идти о демократическом пути к социализму без насильственных революций, слома буржуазной государственной машины и диктатуры пролетариата. Диалектику с ее учением о противоречиях как источнике развития Бернштейн считал «предательской ловушкой» и призывал вернуться к Канту, заменив категории исторической необходимости и объективной закономерности категориями абстрактной справедливости, свободы, добра и т.д.

Как теоретик Бернштейн, по всеобщему признанию, был довольно слаб, причем его неоднократно ловили (в том числе и Плеханов) на вулгаризации идей Маркса, очень неглубоком знакомстве с его теорией, разного рода передержках и прямой фальсификации¹. Однако в противовес марксистам-ортодоксам, у которых верность

¹ Характерны некоторые замечания Плеханова на работах Бернштейна: «Боже, какой вздор!», «Какая глупость!!», «...Скотина, ты, скотина!», «Черт знает, что за чепуха», «Слона-то ты и не заметил??» и т.д. (см.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883—1903. С. 102, 104).

заветам учителей нередко переходила в откровенный догматизм, Бернштейн верно подметил в зародыше те новые тенденции в развитии капитализма, которые делали его структуры более долговечными, гибкими и эластичными, чем это казалось Марксу в середине XIX в.

Ситуация в мире к концу XIX в. действительно была достаточно противоречивой. С одной стороны, налицо была определенная стабилизация капитализма после поражения Парижской коммуны, большие парламентские успехи международной социал-демократии, рост профсоюзного движения, ослабление катастрофических последствий экономических кризисов, постепенное улучшение положения рабочих, сохранение многочисленных средних слоев населения. С другой — капитализм не становился от этого более гармоничным и гуманным, продолжалась яростная конкуренция монополий и различных групп финансового капитала, росло стачечное движение, появлялись все новые очаги международной напряженности, усиливался милитаризм. Словом, делать далеко идущие выводы о том, что Маркс «устарел» и время революций ушло в прошлое, было еще рано. Вместе с тем было очевидно, что ряд классических марксистских представлений о путях и темпах мирового развития оказался под вопросом.

Кстати говоря, Плеханов, глубоко возмущенный изменой Бернштейна революционному марксизму, отнюдь не считал, что любое высказанное им положение — это ересь. В феврале 1898 г. он писал Аксельроду: «Что касается сомнений, одолевавших меня в последнее время, то они вызваны были статьями Бернштейна... Ведь это полное отречение и от революционной тактики, и от коммунизма. Нечего сказать, очень кстати прились эти статьи в 50-ю годовщину «Манифеста Коммунистической партии». Я чуть не заболел от этих статей; всего досаднее, что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать. Но истиной можно пользоваться для разных целей; Бернштейн пользуется ею для того, чтобы поскорее украсить себя филистерским колпаком. Или филистер-то и есть Normalmensch (нормальный человек. — С.Т.) будущее? От этого вопроса у меня мороз пробегает по коже, и мне хочется сказать с Гоголем: скучно на этом свете, господа!»¹

Аксельрод воспринял бернштейниаду гораздо спокойнее, тем более что уже давно был с Бернштейном в приятельских отношениях. Он ответил Плеханову, что филистерски-черепашьё движение, рекомендуемое Бернштейном, имеет даже некоторые преимущества перед методом Sturm und Drang (бури и натиска. — нем.): меньше крови, меньше поводов для зазнайства целых наций. Путь скучный,

¹ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. II. С. 304—305.

заклучал Аксельрод, но ведет-то он в конечном счете к тому же, что и путь революционный¹.

Очень своеобразно откликнулась на выступление Бернштейна Вера Засулич. В феврале 1898 г. она писала Плеханову, что бернштейновские статьи взволновали бы ее года 3—4 назад, а теперь она этот кризис уже пережила. У Засулич сложилось убеждение, что экономическое развитие ведущих западных стран, в частности Англии, «идет не к худу для капитализма, а к постепенному его излечению от кризисов и вообще от "анархии производства"». В полемике с Бернштейном по экономическим вопросам революционные марксисты, по мнению Засулич, могли рассчитывать лишь на частичный успех, хотя и он имел бы большое значение для социал-демократического движения. «Но не думайте, чтоб я очень пессимистично на будущее смотрела, — добавляла Вера Ивановна. — Не очень. И революция, и коммунизм для меня вовсе уж не до такой степени "прощай"». Однако здесь она возлагала свои надежды не столько на автоматическое действие экономических законов, сколько на субъективный фактор общественного движения, который зависит от экономики «лишь в самых широких чертах»².

Не будет преувеличением сказать, что кризис марксизма на рубеже XIX и XX вв. застал теоретиков II Интернационала врасплох: мешала привычка жить за счет старых теоретических положений Маркса и последних работ Энгельса, трудно было решиться на критику Бернштейна, в котором многие видели душеприказчика Энгельса, да и в самой реальной действительности все было настолько запутано и противоречиво (в 1900 г., например, совсем «некстати» для Бернштейна начался новый мировой экономический кризис), что торопиться с окончательными выводами явно не стоило, хотя и молчание по спорным вопросам могло обернуться для социалистического движения непредсказуемыми последствиями. Поэтому неудивительно, что Бернштейн сразу же обрел и ярых противников (Плеханов, Роза Люксембург, Меринг, Бебель, Парвус), и более сдержанных и осторожных критиков, готовых благодарить его за постановку дискуссионных проблем (Каутский), и откровенных единомышленников (Фольмар, Давид, Мильеран).

Плеханов оказался в первых рядах критиков Бернштейна, сосредоточив внимание прежде всего на философских проблемах, в которых он разбирался гораздо лучше, чем в экономике и к которым другие теоретики II Интернационала, в том числе и Каутский, наоборот, были достаточно равнодушны. Он опубликовал на немецком языке статьи «Бернштейн и материализм», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм и кантианизм», «О мнимом кризисе марксизма», «За что нам его

благодарить» и др. Начатая еще в 1898 г., плехановская критика Бернштейна была продолжена в 1899—1901 гг. Кроме того, в 1898 г. Плеханов выступал в Женеве и других городах Швейцарии, а также в Италии с лекциями на эту тему. Написал он и большое предисловие к новому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», превратившееся в большую самостоятельную работу под названием «Первые фазы учения о классовой борьбе» (она увидела свет в Женеве в 1900 г., а в 1902 г. была напечатана и в журнале «Die Neue Zeit», где также шла острая полемика с Бернштейном).

Плеханов ставил вопрос подчеркнуто резко: либо Бернштейн похоронит социал-демократию, либо социал-демократия похоронит Бернштейна¹.

При этом Плеханов был убежден, что по отношению к таким «вероотступникам», как Бернштейн, любой другой подход — а германские социал-демократы, как известно, не исключили его из своих рядов — был бы совершенно неоправдан. Плеханов не скрывал, что ревизионизм Бернштейна вывел его из душевного равновесия. Это и понятно, если учесть, каким трудным был его собственный путь к марксизму, как выстрадал он каждое его основное положение. Рассудком Георгий Валентинович, конечно, понимал, что Маркс и Энгельс отнюдь не непогрешимы, что у них могли быть ошибки, противоречия, слабости. Однако сердце Плеханова поднимало бунт каждый раз, когда нужно было перейти от подобного гипотетического допущения к поискам конкретных просчетов основоположников марксизма. К тому же он прекрасно использовал теоретическую неряшливость Бернштейна, его логические ошибки, явную односторонность многих его суждений.

Плеханов категорически отверг тезис о «затухании» классовой борьбы, высмеивал реформистское «штопание» дыр буржуазного общества, считал принципиально неверным отказ от насильственных способов установления диктатуры пролетариата, хотя и подчеркивал, что социал-демократы заинтересованы в том, чтобы свести потрясения при переходе к социализму к минимуму². Вместе с тем он признал, что Маркс преувеличил темпы развития капитализма и забежал вперед, предсказывая его скорый крах³. Плеханов высказал также мнение, что грядущая победа пролетариата не будет связана со всеобщим хозяйственным кризисом, как казалось одно время Марксу⁴. Признавая замедление европейского революционного процесса во второй половине XIX в., Плеханов тем не менее никогда не ставил под сомнение основополагающий вывод Маркса

¹ Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. II. С. 373.

² См.: там же. С. 496, 498, 618—619.

³ Там же. С. 382.

⁴ Там же. С. 371.

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 195.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 196.

об исторической обреченности буржуазного способа производства. В этих своих убеждениях он был непоколебим.

Плеханов последовательно защищал принципы диалектического и исторического материализма, критиковал агностицизм и эволюционизм Бернштейна. Словом, в отличие от Каутского, он был убежден, что Бернштейна совершенно не за что благодарить и на его ереси нужно поставить крест, чтобы другим неповадно было выискивать в марксизме противоречия и «узкие» места, подрывая тем самым веру пролетариата в грядущую победу.

Осудил Плеханов и попытку французского социалиста Александра Мильерана осуществить идеи Бернштейна на практике, войдя в 1899 г. в состав буржуазного правительства Вальдека Руссо (ситуация усугублялась тем, что членом этого кабинета был и генерал Галифе — палач Парижской коммуны). «Казус Мильерана», как стали называть его беспрецедентный поступок, вызвал, пожалуй, не меньший шум, чем статьи Бернштейна. Французская газета «La Petite Republique Socialiste» даже провела анкету по этому вопросу. Отвечая на вопросы ее корреспондента, Плеханов заявил, что участие социалистов в буржуазном правительстве принесло бы больше вреда, чем пользы, затеянная революционное сознание пролетариата. Лишь в отдельных, исключительных случаях, заявил он, отдельные социалисты по решению своей партии могли бы стать министрами с единственной целью — ускорить разложение капиталистического общества¹.

В сентябре 1900 г. Парижский конгресс II Интернационала вновь вернулся к этому вопросу, причем Жан Жорес даже назвал действия Мильерана началом «политической экспроприации буржуазии». Революционные марксисты осудили поступок Мильерана, однако предложенная Каутским «каучуковая», как ее иронически назвали делегаты конгресса, резолюция квалифицировала «казус Мильерана» как совершенно нетипичный, исключительный случай, который не может служить примером для социалистов других стран, хотя и признала, что в виде исключения вступление социалиста в буржуазное правительство все же возможно. Особенно вызывающе звучала при этом преамбула резолюции, где утверждалось, что завоевание пролетариатом политической власти не может быть результатом каких-либо насильственных действий, а станет итогом «длинной и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания».

Плеханов, который был одним из 24 русских делегатов Парижского конгресса, участвовал в работе комиссии, готовившей проект

¹ См.: Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. Т. II. С. 449.

резолюции по вопросу о завоевании пролетариатом политической власти. Сначала он пробовал доказать Каутскому, что революционное насилие все же остается одним из факторов превращения пролетариата в правящий класс, а затем предложил дополнить резолюцию заявлением, в котором говорилось бы, что социалист обязан выйти из состава буржуазного правительства, если оно «обнаружит пристрастие в своем отношении к борьбе труда и капитала». Кстати говоря, здесь был заключен прозрачный намек на то, что Мильерану давно пора было оставить свой пост, поскольку правительство Вальдека Руссо вело ярко выраженную антирабочую политику и дважды санкционировало расстрелы стачечников.

В конце концов Плеханов голосовал за проект резолюции, предложенный французским социалистом Ж. Гедом, где признавалась возможность как мирной, так и насильственной экспроприации буржуазии, но зато запрещалось всякое участие социалистов в буржуазном правительстве, хотя сам Плеханов полагал, что в некоторых случаях, во имя защиты насущных интересов рабочего класса, такое участие было бы все же полезным. Но большинство голосов набрал все же проект резолюции Каутского.

На конгрессе было впервые создано Международное социалистическое бюро, которое должно было осуществлять координацию действий рабочих партий различных стран в промежутках между конгрессами II Интернационала. Г. В. Плеханов и Б. Н. Кричевский стали его членами от России.

Между тем в феврале 1900 г., отбыв свой срок ссылки, в Центральную Россию возвратился из Сибири В. И. Ульянов. А уже в июле он выехал за границу, чтобы совместно с группой «Освобождение труда» наладить там выпуск общерусской социал-демократической газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». В августе 1900 г. в Женеве и ее окрестностях проходили переговоры между В. И. Ульяновым и А. Н. Потресовым, представлявшими молодые марксистские силы России, и Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич. Обе стороны были очень заинтересованы друг в друге и в успехе затеваемого ими предприятия, да и почва для достижения соглашения как будто была подготовлена: ведь Засулич совсем недавно вернулась из России¹, где виделась с Ульяновым и Потресовым, и заверила Плеханова, что Ульянов, по его собственным словам, не просто марксист-ортодокс, но и «плехановец». А это означало, что общее идейное руководство группы «Освобождение труда» признавалось Ульяновым и его товарищами безоговорочно. Казалось, все предвещало успех, но путь к нему оказался, однако, гораздо более тернистым, чем можно было предположить.

¹ Она находилась там с декабря 1899 по апрель 1900 г., жила по болгарскому паспорту на квартире известной книгоиздательницы А. М. Калмыковой и через нее установили связь с В. И. Ульяновым.

Широко известен уникальный документ дневникового характера, написанный В. И. Ульяновым по горячим следам переговоров с Г. В. Плехановым и названный автором «Как чуть было не потухла «Искра»». Из него явствует, что Плеханов проявил во время переговоров властолюбие, неоправданную подозрительность к молодым товарищам и нетерпимость к их мнению. С другой стороны, по-человечески можно было понять и «стариков», чувствовавших стремление Ульянова и Потресова играть в новых изданиях достаточно самостоятельную роль и разместить редакцию в Мюнхене, подальше от Швейцарии (ссылаясь на то, что она кишит агентами русской полиции). При этом Ульянов сам признавался — разумеется, не для печати, — что «старики» слишком нетерпимы и вдобавок не могут вести черновую редакторскую работу¹. Налицо был, таким образом, один из вариантов старого, как мир, конфликта между отцами и детьми, разрешить который можно было лишь путем взаимных уступок, а не криком и угрозами.

К тому же Плеханов находился весной 1900 г. в крайне взвинченном состоянии, объяснявшимся его резкими столкновениями с членами «Союза русских социал-демократов за границей» и полным неприятием Петра Струве, с которым Георгий Валентинович собрался, наконец, начать серьезный теоретический спор. В. И. Ульянов, наоборот, не терял еще надежды на возможность совместной работы как с «экономистами», так и со Струве, что нашло отражение в проекте заявления об издании «Искры» и «Зари», который он привез в Швейцарию и дал на просмотр Плеханову. Если последний видел в Струве лишь отступника от марксизма, сотрудничество с которым для революционера совершенно недопустимо, то Ульянов подходил к «Иуде» (так называли тогда Струве в группе «Освобождение труда») уже как к буржуазному либералу, чисто деловые отношения с которым принесли бы известную пользу революции. По его мнению, бывшие «легальные марксисты» могли помочь «Искре» и «Заре» как литературными и документальными материалами, так и в финансовом отношении.

Кроме того, Ульянов считал, что в эволюции Струве в сторону бернштейнианства и либерализма есть и доля вины Плеханова, поскольку тот своевременно не восстал в печати против его теоретических заблуждений. Наконец, был и еще один аргумент в пользу временного союза со Струве и другими «легальными марксистами» — удачный опыт совместной борьбы с народничеством в середине 90-х годов XIX в., от которой в конечном счете выиграл революционный марксизм. Однако Плеханов в ультимативной форме заявил Ульянову, что ему придется выбирать: либо он, либо Струве.

Георгий Валентинович откровенно капризничал: он то соглашался быть рядовым сотрудником «Искры», то начинал вести себя как

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 342.

единоличный редактор будущей газеты. Выглядела эта торговля за места в редакции настолько неприлично, что наступил момент, когда Ульянов и Потресов решили прервать переговоры и уехать в Россию. «Никогда, никогда в моей жизни, — писал Ульянов, — я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением..., ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка». И еще: «Ослепленные своей влюбленностью, мы (Ульянов и Потресов. — С. Т.) держали себя в сущности как *рабы*, а быть рабом — недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась еще тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре...»¹

По-своему переживал надвигавшийся разрыв с «молодыми» и Плеханов, понимавший, что союз с ними — может быть, последний шанс активно включиться в революционное движение на родине. В решающий момент он все-таки пошел на уступки. «Искра» и «Заря» должны были издаваться в Германии. Их редакторами становились Ульянов, Мартов и Потресов, а членам группы «Освобождение труда» отводилась роль литературных сотрудников «с правом голоса по редакционным вопросам» (в дальнейшем эта хитрая формулировка была отброшена, и Плеханов, Аксельрод и Засулич тоже стали полноправными редакторами). Больше того, Плеханов даже согласился на ведение переговоров о сотрудничестве со Струве. В целом это была, несомненно, победа «молодых», хотя они и старались не демонстрировать ее слишком явно. Однако интуитивно Ульянов, наверное, чувствовал, что столь бурное начало его деловых контактов с Плехановым будет иметь не менее бурное продолжение. Так оно и случилось.

Вначале все шло как будто хорошо. В декабре 1900 г. вышел первый номер «Искры», а начиная со второго Плеханов стал регулярно сотрудничать в новой газете, опубликовав в ней в 1900 — 1905 гг. более 50 статей и заметок, посвященных анализу внутренней и внешней политики царизма, стратегии и тактике РСДРП, развитию рабочего движения в России и за рубежом, критике эсеровского терроризма, «экономизма» и т. д.² 20 материалов Плеханова были опубликованы в «Заре». Конечно, личный вклад Ленина и Мартова в издание первой общерусской марксистской газеты был более солидным, чем вклад Плеханова, но здесь, видимо, сказался и возраст Георгия Валентиновича, и то, что он жил вдали от редакции «Искры», находившейся сначала в Мюнхене, а потом в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 345.

² В «Искре» до раскола партии было опубликовано 26 статей Плеханова, 47 — Ленина, 54 — Мартова, 9 — Потресова, 8 — Засулич, 5 — Аксельрода. В меньшевистской «Искре» Плеханов напечатал 28 статей, Мартов 56, Потресов — 11 (см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 229).

Лондоне. Не исключено, что Плеханов внутренне считал «Искру» ульяновско-мартовским предприятием и предпочитал играть роль не главного редактора, а мэтра-теоретика, стоящего несколько в стороне от будничной редакционной работы, но зато оставляющего за собой последнее слово в крупных принципиальных вопросах.

Вместе с тем Плеханов участвовал в подборе «искровских» авторов, высказывал конкретные замечания по отдельным рукописям, а иногда даже приезжал в Мюнхен и Лондон. При этом он не раз одобрительно отзывался об организаторских и редакторских способностях Ульянова, называя его в личной переписке с Аксельродом «славным малым» («жаль только, что чисто административная работа мешает ему много читать и писать», — добавлял он¹). Стоит также отметить, что Аксельрод и постоянно болевший Потресов делали для «Искры» гораздо меньше Плеханова, а Засулич, которая вела большую работу в редакции и делила все ее радости и горести с Лениным и Мартовым, сама писала довольно редко. Но вскоре между членами редакции стали возникать трения. Так, познакомившись в июле 1901 г. с рукописью статьи Ульянова «Гонители земства и Аннибалы либерализма» с критикой Струве, Плеханов написал автору, что в статье «кое-что надо «смягчить». Теперь Плеханов и Ульянов как бы поменялись ролями: первый перестал, наконец, считать Струве марксистом и «принял» его как желательного либерального союзника «Искры», а второй, наоборот, сильно охладил к бывшим «легальным марксистам» и перешел к беспощадной критике их взглядов. Обращаясь к Ульянову, Плеханов подчеркивал: мы должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а ваш тон, надо сознаться, совсем не союзнический. «Смягчите его, голубчик, статья сама по себе прекрасная, и было бы очень жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности)»².

Примерно в том же ключе было выдержано и письмо Плеханова к Аксельроду, где говорилось, что тон Ульянова по отношению к либералам слишком недоброжелателен, и хотя в его отзывах о них много справедливого, но «третировать их так, как он, не годится». Тем не менее Плеханов считал, что статью Ульянова можно печатать, предварительно смягчив «сомнительные» места. По мнению же Аксельрода, ее следовало бы радикально переделать, но он советовал Плеханову не настаивать на этом, ибо Ульянов «еще не совсем отделался от некоторых элементов примитивного социал-де-

мократизма»¹. Поскольку автор статьи соглашался сделать в ней только небольшие поправки, категорически отказавшись менять ее общую тональность, в конце концов было решено напечатать ее в «Заре» в авторской редакции.

В декабре 1901 г. исполнилось 25 лет со времени знаменитой демонстрации 1876 г. у Казанского собора в Петербурге, во время которой впервые публично прозвучало революционное слово Плеханова. Ленин (так теперь стал подписывать свои статьи В.И.Ульянов) составил текст приветствия юбиляру от имени редакции «Искры» и «Зари», в котором, в частности, говорилось: «Пусть послужит это празднование к укреплению революционного марксизма, который один только способен руководить всемирной освободительной борьбой пролетариата и противостоять натиску так шумно выступающего под новыми кличками вечно старого оппортунизма. Пусть послужит это празднование к укреплению связи между тысячами молодых русских социал-демократов, отдающих все свои силы тяжелой практической работе, и группой «Освобождение труда», дающей движению столь необходимые для него: громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт. Да здравствует революционная русская, да здравствует международная социал-демократия!»²

Юбилей Казанской демонстрации довольно широко отмечался русскими революционерами-эмигрантами и обучавшимися за границей студентами в Берлине, Цюрихе, Берне, Женеве, Париже. О цюрихских торжествах рассказал в шутливой форме в письме, адресованном Плеханову, его старый друг Аксельрод. Он писал: «...Я уже теперь полумертвый из-за того, что тебе угодно было 25 лет тому назад, именно 6 декабря произнести речь на Казанской площади, да сверх того еще стать основателем русской социал-демократии и наследником или преемником Маркса-Энгельса. Не поехал я в Берн и думал туда только телеграмму послать. А на мое несчастье нашлось даже в деморализованном Цюрихе около двух дюжин сочувствующих, так что я сам по собственной инициативе приободрился на устройство вечеринки и произнес почти речь, в которой хвалил тебя, само собой разумеется. А из-за всего этого я две ночи не спал...»³

Но особенно торжественно прошел праздничный вечер в Женеве. Здесь юбиляра приветствовали более тысячи человек. Особенно тронули Плеханова приветствия студенческой молодежи, в частности юного болгарина Николы Стойнова. В этот праздничный день Георгий Валентинович и сам как будто помолодел, повторив шутку

¹ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. II. С. 146.

² Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. I. С. 118.

¹ Переписка Г.В.Плеханов и П.Б.Аксельрода. Т. II. С. 154, 157.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 368.

³ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. Т. II. С. 163.

Вильгельма Либкнехта и сказав, что ему не 45 лет, а два раза по двадцать два с половиной. Закончил же он свою ответную речь предсказанием близкого конца царского самодержавия¹.

Эта мысль очень перекликалась с концовкой одной из самых ярких «искровских» статей Плеханова «На пороге двадцатого века», где говорилось о ближайшей задаче российского пролетариата — завоевании политической свободы, которая одновременно будет и первым крупным культурным завоеванием России в новом столетии².

Как и положено на юбилеях, Плеханову был поднесен памятный подарок — портфель. Принимая его, Георгий Валентинович заверил собравшихся, что этот портфель никогда не делается портфелем министра, намекая тем самым на французского социалиста Александра Мильерана.

Новый, 1902 год редакция «Искры» встречала в преддверии обсуждения проекта программы РСДРП, разработка которой являлась одной из важнейших ее задач. Еще в июле 1901 г. Ленин писал Аксельроду, что, кроме него и Плеханова, за это дело взяться некому, поскольку подготовка проекта требует спокойного сосредоточения и обдумывания. Как известно, сам Ленин уже делал предварительные наброски партийной программы в 1895—1896, 1899 и 1900 гг. Однако он хорошо понимал, что было бы по меньшей мере бестактным не предложить эту почетную, хотя и очень трудную работу Плеханову, составившему в 80-х годах XIX в. несколько вариантов программы группы «Освобождение труда», получивших, как уже отмечалось выше, в целом очень высокую оценку Ленина. К тому же Плеханов и не думал отказываться от выполнения этой задачи, будучи, очевидно, уверен в том, что подходит для этой работы лучше, чем кто-либо другой.

В январе в Мюнхене собралась вся редакция «Искры», кроме Потресова, чтобы ознакомиться с текстом вводной, теоретической части программы, написанной Плехановым. Здесь проявились такие характерные черты плехановских произведений, как высокий общетеоретический уровень, логичность и последовательность изложения при явном тяготении автора к созданию внешне непротиворечивой, законченной, но довольно абстрактной конструкции, скрадывающей многообразие форм реального исторического процесса³. При этом бросалось в глаза, что создавалась эта схема с прицелом на западноевропейскую модель капитализма, а не на конкретные условия России. Так, Плеханов, как и подобает правоверному марксисту, писал о социальной революции, диктатуре пролетариата,

замене капиталистического производства товаров социалистическим производством продуктов. Однако вся специфика российской ситуации нашла у него отражение лишь в одной фразе о видоизменении ближайших целей рабочего класса России в связи с наличием многочисленных остатков докапиталистических крепостнически-общинных порядков, а о крестьянстве первоначально вообще даже не упоминалось¹.

Ленину текст Плеханова явно не понравился. Очевидно, он ждал гораздо большего, но его критика носила вполне корректный по форме, аргументированный и, главное, конструктивный характер. Похоже, что другие члены редакции «Искры», собравшиеся 21 января 1902 г. на квартире Ленина, тоже не пришли в восторг от плехановского проекта. Так или иначе, было решено продолжить работу, и в начале февраля Ленин представил свой вариант первого раздела программы, который, в свою очередь, был встречен в штыки Плехановым.

Если отбросить чисто вкусовые моменты, то его не устраивала четко прослеживавшаяся у Ленина тенденция представить российский капитализм в виде уже сложившейся общественно-экономической формации, а пролетариат — единственным революционным классом, претендующим на то, чтобы «командовать» другими. Плеханову не без оснований казалось, что Ленин слишком прямолинеен и нетерпелив, не улавливая или пренебрегая всей сложностью процесса перехода России на рельсы буржуазных отношений. Позже Ленин признал, что действительно преувеличивал сначала степень проникновения капитализма в деревню и не представлял до конца, насколько силен там антагонизм между всеми слоями крестьянства и помещиками. Но главное заключалось, пожалуй, даже не в этом, а в том, что у Ленина уже постепенно складывалось в начале XX в. представление об особом типе капиталистического развития России, в результате чего там возник и совершенно новый тип освободительного движения, тогда как Плеханов в общем и целом считал путь России к вершинам буржуазного прогресса лишь запоздалой и бледной копией классической западной модели. Однако по-настоящему осознать все это участникам спора было дано лишь в исторической ретроспекции. К тому же дискуссия омрачалась не только столкновением личных амбиций, но часто и простым взаимным непониманием, рождавшим в свою очередь бесконечные колкости, придирки и озлобление.

Так, в начале марта 1902 г. Плеханов писал Засулич, что ленинский проект программы «в полном смысле слова невозможен» и «не делает чести группе «Освобождение труда»». 12 марта он повторил в письме к Аксельроду, что, если проект Ленина будет принят,

¹ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. I. С. 64—65.

² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XII. С. 66.

³ См.: Тарновский К.Н. Революционная мысль, революционное дело. М., 1983. С. 152.

¹ См.: Ленинский сборник II. С. 17—18.

² Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1926. Сб. 5. С. 302.

ему придется заявить о его неудовлетворительности и получится «что-то вроде нового раскола». В конце письма Плеханов добавил, что Ленину он не пишет, потому что тот просто бесит его «своими *куцыми* взглядами». Он заявил, что безусловно отрицает ленинский проект в его принципиальной части («такой программы я не могу признать своею»), хотя в большинстве случаев и согласен с конкретными поправками Ленина к своему собственному тексту¹.

Захваченный духом творческого соревнования, подхлестываемый обидой и своим колоссальным честолюбием, Плеханов не стал — и это делало ему честь — цепляться за свой первоначальный текст, а подготовил в первой половине марта новый, гораздо более удачный вариант проекта, в котором были, правда, и некоторые досадные потери. Так, исчезло вдруг положение о диктатуре пролетариата, что дало историкам повод говорить позже о каких-то «шатаниях» Плеханова, хотя в действительности этот странный шаг объяснялся скорее психологическими, чем политическими мотивами. Поэтому, когда Ленин предложил восстановить это место проекта, Плеханов легко согласился. В письме к Засулич он объяснял этот казус так: «против прибавки, касающейся диктатуры пролетариата, я ничего не имею. Фрей (Ленин) нашел в бытность мою в Мюнхене, что в моем первом пункте проекта о ней говорилось слишком *«крикливо»*. Я заменил выражение *диктатура пролетариата* выражением *власть пролетариата: это одно и то же*, ибо в политике кто имеет власть, тот и диктатор. Но выходит, что теперь у меня сказано недостаточно *«крикливо»*. Прибавьте *«крику»*»².

Во втором проекте Плеханова появился ряд важных теоретических положений, которые значительно обогатили весь текст. Теперь здесь говорилось о пролетариате как передовом представителе всех трудящихся и эксплуатируемых и о том, что международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения³ (в дальнейшем этот тезис в духе идеи гегемонии пролетариата опять исчез из окончательного текста программы). Шагом вперед было более конкретное определение целей социалистической революции: экспроприация эксплуататоров, передача средств производства и его продуктов в общественную собственность, плановая организация общественного производства для удовлетворения нужд как всего общества в целом, так и отдельных его членов. Наконец, не без влияния ленинской критики появилась у Плеханова и такая формулировка: капитализм в России все более и более становится преобладающим способом производства⁴.

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. II. С. 166 — 167.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 303.

³ Ленинский сборник II. С. 59.

⁴ Там же. С. 60.

Однако страсти в редакции «Искры» продолжали накаляться. Коса, что называется, нашла на камень, и Ленин опять назвал проект Плеханова растянутым и абстрактным, сделав множество конкретных замечаний. Так, например, он считал, что капитализм уже стал преобладающим способом производства, а мелкое хозяйство неуклонно вытесняется крупным. Кроме того, Плеханов, по мнению Ленина, слишком завысил революционный потенциал мелкой буржуазии, в поведении которой отчетливо прослеживаются консервативные и даже реакционные черты. В этой связи Ленин писал, что при диктатуре пролетариата по отношению к крестьянству — этим «ненадежным и двуличным элементом» — надо будет употребить и власть (на что Засулич на полях заметила не без ехидства: «Над миллионами-то! Попробуй-ка! Позаботься, чтобы приняли, зови»¹). Ленину очень хотелось также, чтобы в проекте отчетливо прозвучало положение о том, что пролетариат один только является действительно революционным классом, как сказано в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса, что сначала ему нужно отгородиться от всех непролетарских слоев трудящихся, а уже потом звать их к сотрудничеству.

По правилам литературной дуэли право на очередной выстрел было теперь за Плехановым. И он не преминул им воспользоваться, категорически отвергнув новые поправки Ленина. 19 марта 1902 г. Георгий Валентинович излил свои чувства в большом письме Засулич, жалуясь ей на то, что ленинская формулировка о господстве капитализма в России «топит» всякое различие между нашей страной и Западом, тогда как в реальной действительности «русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма». При этом Плеханов припомнил, как еще в 1895 г. «один товарищ» (Ульянов) говорил ему, что в России был *такой же* феодализм, как и на Западе. Тогда Плеханов заметил своему молодому собеседнику, что сходства здесь не более, чем между «русским Вольтером» Сумароковым и Вольтером настоящим.

Ответил Плеханов и еще на одно замечание Ленина, который считал, что нельзя быть уверенным в том, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат в социалистической революции. В противовес своему скептически настроенному оппоненту Плеханов был убежден, что в борьбе с буржуазией пролетариат сможет привлечь на свою сторону и некоторые другие слои эксплуатируемой массы. И когда В. И. Засулич напомнила ему о том, что в «Коммунистическом манифесте» все другие классы, кроме пролетариата, названы реакционными, он ответил ей: «Но ведь Манифест имел в виду тогдашнего немецкого клейнбургера; теперь обстоятельства значительно изменились, и я думаю, что чем дальше будет развиваться

¹ Ленинский сборник II. С. 83.

капитализм в передовых странах, тем более часть мелкой буржуазии и мелкого крестьянства будет вынуждаться к переходу на сторону пролетариата. *Мы не обязаны думать, как Маркс, там и тогда, где и когда сам Маркс думал бы иначе.* Кроме того, я очень хорошо помню, как едко Энгельс насмехался над теми геноссами (товарищами. — нем.), которые воображают, что мелкая буржуазия неизбежно должна быть реакционной»¹.

Чем дальше шла дискуссия, тем яснее становилось членам редакции, что единственный выход из создавшегося положения — это передача проектов Плеханова и Ленина в согласительную комиссию для доработки без участия самих авторов. Так и было сделано. В апреле работа над комиссионным вариантом была закончена, причем в основу проекта комиссии был положен текст Плеханова, на который как бы «накладывались» поправки и дополнения Ленина, Засулич и Мартова. В апреле в Цюрихе в отсутствие Ленина (он уехал в Лондон, куда из-за полицейской слежки в Мюнхене переехала вскоре и вся редакция «Искры») и больного Потресова прошло новое совещание, на котором проект программы был, наконец, одобрен и утвержден. Затем по тексту еще раз пришлось перо «золотого редактора» — Плеханова, а после этого на его последней странице появилось написанное рукой Георгия Валентиновича сакраментальное слово «Аминь». В таком виде проект и решено было опубликовать в июне 1902 г. в «Искре», предоставив одновременно двум главным «разработчикам» — Плеханову и Ленину — право выступить в журнале «Заря» с необходимыми комментариями.

Таким образом, проект программы РСДРП явился в полном смысле слова плодом коллективного творчества. В частности, усилиями Мартова, а также Засулич, Дана и Дейча была создана та его часть, где излагались конкретные требования РСДРП в различных областях политической и социальной жизни стран. Аграрный раздел программы был написан Лениным. Сам Ленин позже особо выделял роль Плеханова, а тот, по словам Розалии Марковны, в шутку говорил: программа моя, «слегка испорченная Лениным»².

Споры по программным вопросам в редакции «Искры» были спорами в рамках революционного марксизма, обнаружившими, однако, разное понимание некоторых принципиальных положений марксистской теории. При этом в ряде случаев в роли новатора выступал Ленин, в других — борцом против излишнего «догматизма» в трактовке марксистского наследия был Плеханов. Наконец, нельзя не отметить, что по некоторым вопросам, поднятым в 1902 г. при обсуждении проекта программы РСДРП, споры идут и по сей день, причем сегодня историки склонны соглашаться с осторожны-

ми оценками уровня развития российского капитализма, данными в свое время Плехановым. Но совершенно очевидно одно: путь взаимных уступок и компромиссов, избранный тогда редакцией «Искры», оказался достаточно плодотворным. Больше того, он был единственно эффективным в создавшейся взрывоопасной обстановке и привел к успеху, закрепленному на II съезде РСДРП.

Последним отзвуком программных баталий 1902 г. стало обсуждение статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии», подготовленной им в качестве редакционного комментария к аграрному разделу программы, автором которого он являлся.

Напомним, что поскольку масштабы будущего крестьянского движения и степень социального раскола крестьянства были тогда еще неясны, а уровень развития капитализма в деревне (и в помещичьем, и в крестьянском хозяйстве) многими русскими марксистами, включая Ленина, завышался, то и аграрный раздел партийной программы был сформулирован очень осторожно. Акцент в нем делался на возвращении крестьянам так наз. «отрезков», то есть земель, отнятых у них при проведении реформы 1861 г. Тем самым молчаливо признавалось, что «отрезки» — это главный пережиток крепостничества, а трогать перестроившиеся или быстро перестраивающиеся на капиталистический лад помещичьи латифундии значило бы идти не вперед, а назад.

Революция 1905—1907 гг. показала ошибочность подобных взглядов и заставила РСДРП изменить свою аграрную программу. Но нельзя забывать, что уже в 1902 г. Ленин допускал, что крестьяне потребуют себе всю помещичью землю, и на этот случай предлагал отразить, хотя бы в комментарии к программе, мысль о прогрессивном значении национализации земли еще в рамках буржуазного строя, т.е. при сохранении частной собственности на орудия и средства производства как в городе, так и в деревне. В 80-х годах XIX в. подобная идея казалась Плеханову вполне разумной. Однако позже он вслед за Каутским стал считать национализацию земли при капитализме шагом ненужным и вредным, ибо она, по его мнению, могла бы лишь усилить буржуазное государство и тем самым повредить интересам народа. Кроме того, чем дальше, тем больше Плеханов склонялся к мысли о том, что по своему общественному строю Россия и без того слишком напоминает древние восточные деспотии, где государство было верховным собственником земли. Вот почему национализация земли в условиях России представлялась ему особенно опасной и сомнительной мерой.

Эти свои взгляды Плеханов внушил и другим членам редакции «Искры», и когда на том же самом апрельском совещании в Цюрихе, где подводились итоги дискуссии по программным вопросам, на обсуждение была поставлена статья Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии», внимание автора было обращено именно на то место его рукописи, где говорилось о национализации земли. Однако Ленин настаивал на своем, и тогда в мае 1902 г.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 303.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 369; Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 418.

рукопись поступила на вторичный просмотр к Плеханову и Аксельроду. И здесь у Плеханова произошел нервный срыв, вызванный, видимо, чрезмерными для него психологическими перегрузками зимы и весны 1902 г. Он испещрил весь текст рукописи мелочными замечаниями, стал придираться и к стилю статьи, и даже к расстановке кавычек. Словом, обошелся с Лениным, как с провинившимся школьником, без всякого стеснения излив весь свой гнев по поводу его строптивости и «зазнайства».

Ленин, по свидетельству Крупской, тоже заметался. Получив замечания Плеханова, он написал прямо на рукописи статьи: «Автор замечаний напоминает мне того кучера, который думает, что для того, чтобы хорошо править, надо почаще и посильнее дергать лошадей. Я, конечно, не больше «лошади», одной из лошадей, при кучере — Плеханове, но бывает ведь, что даже самая задержанная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера»¹.

14 мая 1902 г. Ленин написал Плеханову резкое письмо, которое заканчивалось горькими, но справедливыми словами: «Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения»².

Редакция «Искры» стояла перед реальной угрозой распада. Настроение у всех было подавленное. В.И.Засулич, которая особенно переживала все случившееся, предложила просто выбросить из статьи Ленина то место, где говорилось о национализации, а на других поправках не настаивать. 20 июня Плеханов направил Ленину после долгого молчания письмо, в котором писал, что оба они «несколько зарвались в споре о программе», что у него тоже были некоторые основания считать себя обиженным, но это частное дело нужно теперь отложить в интересах дела *общего*. «Поверьте одному, — заканчивал Георгий Валентинович, — я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75% мы с Вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25% есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя *единомыслия* следует позабыть о *разногласии*». Он выражал готовность дать Ленину любое удовлетворение, если он того захочет, лишь бы «не раздражать товарища, который так полезен делу» и которого он уважает от всей души³.

Плеханов даже просил Засулич передать Ленину, что он согласен на публикацию его статьи об аграрной программе без всяких изменений, если ему будет предоставлено право в своем коммента-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 448.

² Там же. Т. 46. С. 186.

³ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. 1. С. 134.

рии к программе, предназначенной для «Зари», изложить собственный взгляд на «отрезки», несколько отличный от ленинского¹.

Однако Ленин, у которого нервы были, по его собственному признанию, истрепаны «в лоск», решил закончить все это дело как можно скорее и предоставил Плеханову право снять из корректуры статьи те места, которые он сочтет «лишними». Георгий Валентинович воспользовался этим правом, убрав упоминание о национализации земли и несколько строк из раздела об «отрезках» (речь шла у Ленина о том, что они должны быть возвращены, если служат орудием хозяйственного закабаления крестьян помещиками, а Плеханов, Засулич и Аксельрод настаивали на возвращении любых «отрезков»). Маленькую купюру сделал Плеханов и в своей статье.

Инцидент был исчерпан, но у Ленина он оставил очень горький осадок. Плеханов явно пытался говорить с ним с позиций силы, «нажимать», ставить в неравные по сравнению с собой условия. Вряд ли можно согласиться с Н.А.Бердяевым, который в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» пишет, что разочарование в Плеханове с присущими ему чертами мелкого самолюбия, честолюбия и горделиво-презрительного отношения к товарищам якобы было для Ленина «разочарованием в людях вообще»². До этого дело, к счастью, не дошло, и приписывать Плеханову такое демоническое влияние на Ленина, как нам кажется, оснований нет. Но то, что он влиял на Ленина не в лучшую сторону, — несомненно.

Сестра Мартова, Лидия Цедербаум-Дан вспоминала, что дикторские замашки Плеханова и его склонность ставить ультиматумы повергали Ленина в полное отчаяние и он иногда серьезно начинал подумывать о том, чтобы бросить все, оставить «Зарю» Плеханову, а самому «сматывать удочки» и возвращаться в Россию, где и попытаться наладить издание общерусской газеты³. Вероятно, это были только минуты обычной человеческой слабости, но переживал их Ленин очень тяжело.

В августе 1902 г. в четвертом номере «Зари» был напечатан комментарий Плеханова к проекту программы РСДРП. В нем подчеркивалось, что в данный момент обстоятельства складываются для российской социал-демократии на редкость благоприятно, но для того, чтобы быть на высоте положения, ей нужны крепкая подпольная организация типа «Земли и воли» и «Народной воли», а также стройная и последовательная марксистская программа. По мнению Плеханова, РСДРП с удесятенной энергией должна отстаивать идею классовой борьбы, убеждать рабочих в неизбежности социальной революции и в практической осуществимости социалис-

¹ Ленинский сборник III. С. 432.

² Цит. по: Ленин: человек, мыслитель, революционер. М., 1990. С. 366.

³ См.: Из архива Л.О.Дан. From the Archives of L.O.Dan. Amsterdam, 1987. С. 41.

тических требований. Для него было аксиомой, что капитализм развивается вглубь и вширь, уровень эксплуатации наемных рабочих повышается, а вместе с этим обостряется и классовая борьба. Поэтому Плеханов не хотел делать никаких уступок Бернштейну и решительно отвергал выдвинутые им тезисы о прекращении кризисов перепроизводства и устойчивости среднего и мелкого товаропроизводителя в условиях капитализма.

Заметим, что в распоряжении Плеханова и других русских и зарубежных марксистов того времени был еще слишком недостаточный материал для столь безапелляционных суждений глобального характера. Жизнь показала, что процесс концентрации производства имеет определенные пределы, за которыми сохранение среднего и мелкого производства оказывается необходимым и выгодным для самих капиталистических монополий. Правда, и тогда процесс разорения мелких и средних производителей остается неизбежным спутником капиталистической системы, но место разорившихся немедленно занимают новые средние и мелкие хозяева.

Обратим внимание и еще на один момент: признавая факт образования нового среднего сословия, к которому он относил так наз. «чиновников капитала» (не являющихся собственниками в полном смысле этого слова, но получающих от капиталистов «кое-когда и кое-где» довольно значительные милости), Плеханов тем не менее считал, что рано или поздно их ждет возвращение в категорию простых рабочих или даже в нищих. Читатель сам может судить о том, в какой мере оправдался этот прогноз Плеханова.

В полной мере разделял он и господствовавший тогда в марксистской среде взгляд на социализм как на бестоварное хозяйство, ставя знак равенства между товарным производством и анархией в народном хозяйстве. Столь же однозначным было и мнение Плеханова о неизбежности диктатуры пролетариата, без которой невозможно будет становление социалистического общественного строя даже в самых демократических странах. Однако он подчеркивал, что социалистическая революция нарушит интересы лишь незначительного меньшинства нации, а диктатура пролетариата вовсе не будет означать попрания прав всех остальных классов общества, в том числе и крестьян. Если бы Плеханов мог хотя бы краешком глаза заглянуть тогда в послеоктябрьскую Россию, то наверняка воздержался бы от столь розовых прогнозов.

Не обошел Плеханов молчанием и вопрос о национализации земли. «В руках нашего полицейского государства, — писал Плеханов, — и теперь уже сосредоточивается слишком значительная часть производительных средств нашей страны. Содействовать переходу к нему всех тех земель, которыми оно не может теперь распоряжаться как своей собственностью¹, значило бы способство-

¹ В подстрочном примечании Плеханов отмечал, что общинные земли и земли однодворцев государство всегда рассматривало в России как свою собственность.

вать укреплению его сил, продолжению, если не увековечению, его существования. Такая политика *соответствует* интересам нашей бюрократии, но она коренным образом противоречит интересам революционной партии, а с ними также всей трудящейся и эксплуатируемой массы»¹.

При этом Плеханов ссылался на мнение реакционных «Московских ведомостей», которые утверждали, что в России государство фактически уже является собственником всех земель и поэтому идея их национализации сама по себе отнюдь не революционна. Была у Плеханова и ссылка на «Аграрный вопрос» Каутского, где против национализации выдвигалась целая батарея различных аргументов, среди которых далеко не последнюю роль играло то соображение, что национализация потребовала бы денежного вознаграждения владельцев земли и, таким образом, разного рода дополнительных платежей со стороны трудящегося населения. В итоге Плеханов вслед за Каутским утверждал, что вопрос о национализации земли можно ставить лишь на социалистическом этапе революции, когда будут национализированы все средства производства.

В заключение Плеханов кратко остановился на характеристике политической части программы-минимум РСДРП, обратив внимание читателей на требования демократических свобод, отделения церкви от государства и школы от церкви, права наций на самоопределение. Особо подчеркнул он требование демократической республики и установления народоправства, закончив статью красноречивой цитатой из известного стихотворения Пушкина:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью вижу!..

На время в редакции «Искры» воцарились как будто мир и тишина. Ленин, Мартов и Засулич жили и работали в Лондоне, Плеханов и Аксельрод — в Швейцарии, а Потресов — в основном лечился от туберкулеза. Поздней осенью 1902 г. Плеханов совершил давно планировавшуюся, но каждый раз откладывавшуюся поездку в британскую столицу. Во время этого визита в Лондон он познакомился с недавно бежавшим из сибирской ссылки Львом Троцким, пробовавшим теперь свои литературные силы на страницах «Искры». Сохранились воспоминания Л. Д. Троцкого о его первой встрече с Плехановым в Лондоне в конце 1902 г.:

«Вечером я зашел к нему. В маленькой комнатке, кроме Плеханова, сидели довольно известный немецкий писатель социал-демо-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 235.

крат Бер и англичанин Аскью. Не зная, куда меня девать, так как стульев больше не было, Плеханов — не без колебания — предложил мне сесть на кровать. Я считал это в порядке вещей, не догадываясь, что европеец до конца ногтей Плеханов мог только ввиду крайности обстоятельств решиться на такую чрезвычайную меру. Разговор шел на немецком языке, которым Плеханов владел недостаточно и потому ограничивался односложными замечаниями... Бер и Аскью вскоре ушли. Георгий Валентинович вполне основательно ожидал, что уйду с ними и я, так как час был поздний и нельзя было беспокоить хозяев квартиры разговором. Я же, наоборот, считал, что теперь-то только настоящее и начинается.

— Очень интересные вещи говорил Бер, — сказал я.

— Да. Насчет английской политики интересно, а насчет философии — пустяки, — ответил Плеханов.

Видя, что я не собираюсь уходить, Георгий Валентинович предложил мне выпить по соседству пива. Он задал мне несколько беглых вопросов, был любезен, но в этой любезности был оттенок скрытого нетерпения. Я чувствовал, что внимание его рассеяно. Возможно, что он просто устал за день, но я ушел с чувством неудовлетворенности и огорчения¹.

Легко представить себе эту достаточно комичную ситуацию: явно нервничающий, хотя и сохраняющий внешнюю приветливость Плеханов, шокированный бесцеремонностью своего молодого гостя, и не блещущий воспитанием, достаточно самоуверенный и наивно воображающий, что может говорить с Георгием Валентиновичем на равных, — Троцкий. Первая встреча, от которой во многом зависели их будущие взаимоотношения, прошла «комом», потянув за собой целую цепочку из взаимной неудовлетворенности, настороженности и недоброжелательства, которые переросли вскоре в открытую вражду.

Весной 1903 г. Ленин, который в этот период в общем и целом относился к Троцкому с симпатией и по достоинству оценил его энергию и талант, предложил Плеханову ввести молодого, но подающего немалые надежды публициста в состав редакционной коллегии «Искры». Однако Георгий Валентинович категорически воспротивился этому слишком быстрому, по его мнению, выдвижению Троцкого на ответственную партийную работу. Действительно, по сравнению с каждым из шести искровских соредакторов Троцкий выглядел еще желторотым юнцом, которому нужно было расти и расти, чтобы удостоиться чести определять политическое направление первой общерусской марксистской газеты. Не исключено, что сыграли здесь свою роль и неблагоприятные впечатления Плехано-

ва от первой встречи с Троцким. Так или иначе, было решено отложить этот вопрос до II съезда РСДРП, который был уже не за горами.

В начале 1903 г. был создан организационный комитет по его созыву, а в апреле члены редакции «Искры» перебрались в Женеву. И ничто, казалось, не предвещало бури, но она неотвратимо надвигалась на молодую российскую социал-демократию.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 279.